

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

П. А. Попова

Как объяснить финансовый конфликт в семье?

Обзор экономических, психологических и социологических концепций¹

ПОПОВА Полина Артёмовна — магистрант программы «Прикладные методы социального анализа рынков», преподаватель кафедры экономической социологии, менеджер Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: paropova@hse.ru

В западной литературе финансовые конфликты выделяются как основной предиктор развода в семьях и определяются как самые сложные и продолжительные для супругов. Однако вопрос о том, что является детерминантами их возникновения, обходится стороной в огромном корпусе исследований, посвящённых супружеским конфликтам или управлению финансами. Данная статья пытается ответить на вопрос о том, что же такое финансовый конфликт и как он возникает. В первой части обзора рассматриваются эмпирические исследования, посвящённые супружеским конфликтам и месту проблемы денег в их возникновении. Во второй части с помощью теорий семейных систем, семейного стресса, социального обмена, распределения благ и ролевой теории изучается процесс возникновения конфликта и выявляются предположительные предикторы, которые могут объяснить финансовый конфликт в семье. Третья часть обзора посвящена подробному рассмотрению трёх выявленных на теоретическом уровне факторов возникновения конфликта. Первым из них является управление финансами, которое представлено противопоставлением независимых стратегий и механизмов, связанных с пулом. Как следствие контроля над финансами, автор статьи показывает концепции власти и объясняет, как основания её конструирования в домохозяйстве влияют на возникновение финансового конфликта. Ещё один изученный аспект — гендерное разделение труда, которое в соответствии с рядом исследований является ключевым фактором неудовлетворённости супругов (особенно женщин) и способствует зарождению большого количества конфликтов. В заключении делается вывод о том, что эти три аспекта взаимосвязаны и требуют эмпирической проверки в качестве предикторов для модели объяснения финансовых конфликтов в семьях.

Ключевые слова: финансовый конфликт; супружеский конфликт; управление финансами; власть в семье; гендерное разделение труда; теории функционирования семьи.

Введение

Согласно Дж. Коулману, современный мир характеризуется появлением большого количества формальных отношений, но важность близких отно-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Экономико-социологические исследования социальной устойчивости в кризисное время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. Автор благодарит Д. Х. Ибрагимову, И. В. Павлюткина, Е. С. Бердышеву и Я. М. Рошину за полезные комментарии к тексту, а также других сотрудников Лаборатории экономико-социологических исследований, принявших участие в обсуждении концепции данной работы.

шений нельзя переоценить, так как именно они влияют на развитие личности и становятся основой социального капитала человека [Coleman 1990]. Более того, интимные отношения строятся на реципрокности, взаимной поддержке и определённой доле солидарности, поэтому остаются незаменимыми для индивидов. Коррективы, которые вносит в них современный мир, заключаются в том, что формы этих отношений несколько трансформируются. Например, люди чаще сожительствуют без заключения брака, откладывают регистрацию отношений и рождение детей, а доля разводов, выросшая в 1970-х гг. и достигшая пика в 2000–2003 гг., не снижается. В России вопрос о стабильности семьи стоит достаточно остро, т.к. динамика разводов остаётся тревожной, и обращает внимание тот факт, что всё больше молодых пар распадается [Захаров 2015]. Исследователи отмечают, что ценностные ориентации на семью и детей менее заметны, на первый план выходят построение карьеры и погоня за деньгами [Pahl 1983; Гурко 2001; Здравомыслова 2003]. Рост количества разводов, по мнению некоторых российских авторов, может повлиять на нормы в обществе, то есть лёгкость расторжения брака способна создать более легкомысленное отношение к супружеству [Антонов 2012; Касаткин 2012].

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о нарастании в современном обществе проблем, связанных с институтом семьи. По мнению западных социологов, одним из основных предикторов развода является финансовый конфликт (см., например: [Cubbins, Vannoy 2004; Kluwer, Johnson 2007; Papp, Cummings, Goeke-Morey 2009; Dew, Britt, Huston 2012]), но по неясным причинам тема его возникновения игнорируется в научном сообществе. При этом надо отметить, что темы финансового поведения относительно недавно начали интересовать социологов; это произошло в конце 1980-х гг., когда появилась новая экономическая социология. В России интерес к этой теме возник чуть позже — в начале 2000-х гг. Основное внимание уделяется управлению финансами (см., например: [Pahl 1983; 1990; 1995; Vogler, Brockmann, Wiggins 2006; Ибрагимова 2012; 2016; Ibragimova, Guseva, 2015]) и всем его аспектам — принятию решений о покупках [Zagorsky 2003; Sun 2010], контролю над денежными ресурсами, разделению труда [Брайнс 2002; Cubbins, Vannoy 2004; Ridgeway 2011], неравенству [Вовк 2006; McLanahan, Percheski 2008; Halpern-Meekin, Turney 2016] и взаимодействию между супругами в стрессовых ситуациях [Heavey, Layne, Christensen 1993]. В последние годы возродилась и популярность темы финансовой власти [Vogler 1998; Trentham, Larwood 2001; Vogler, Lyonette, Wiggins 2008; Blossfeld, Drobnič 2009; Ибрагимова 2016]. Также можно обнаружить исследования влияния управления финансами и конфликтов по поводу денег на развод [McGonagle, Kessler, Schilling 1992; Addo, Sassler 2010; Dew, Dakin 2011; Dew, Britt, Huston 2012]. По нашему мнению, в корпусе всех этих исследований отсутствует существенное промежуточное звено — исследование того, как и откуда появляется в семьях финансовый конфликт.

Если говорить о конфликте в целом, то мы вслед за Л. Козером определяем его как форму социализации, которая предназначена для разрешения дуализмов и противоречий и способствует снятию напряжения [Козер 1956]. В. В. Танчер пишет: «Согласно аргументам Козера, конфликт может содействовать более чёткому разграничению между группами, способствовать централизации принятия решений, укреплять идеологическое единство, усиливать социальный контроль» [Танчер 1994: 269]. Однако в межличностных отношениях распространена тенденция к подавлению враждебных чувств и впоследствии к их накоплению и усилению; это происходит из-за того, что близкие люди боятся острого конфликта, — возникает замкнутый круг. Более того, выдвигается тезис о том, что чем более тесными являются социальные отношения, тем напряжённее будет конфликт; чем больше у людей общих интересов и схожих черт, тем больше они лично вовлекаются в отношения и утрачивают способность оценивать ситуацию объективно; чем меньше группа, объединённая совместной повседневной жизнью, тем легче её участниками овладевают раздражение и гнев [Козер 1956].

Под финансовым конфликтом в данной работе мы будем понимать различные точки зрения у супругов по любой из тем, связанных с финансами, которые при наличии повода и желания (другими словами,

конфликтной ситуации) высказываются и обсуждаются эмоционально и имеют определённый результат — например, компромисс. В качестве классификации такого рода конфликтов приведём следующую, как наиболее полно отражающую финансовое поведение семьи [Kirchler 1990]:

- *вероятностный конфликт*: в ситуации покупки супруги согласны в том, что касается её необходимости и ценности продукта, но не могут прийти к общему решению относительно качества альтернатив внутри категории товара;
- *ценностный конфликт*: разногласие по поводу этической приемлемости продукта;
- *конфликт распределения*: разногласие относительно распределения ресурсов между супругами в вопросе покупки.

Так как основной концепт данного исследования довольно скудно освещается в научной литературе, целью статьи является всестороннее рассмотрение финансового конфликта и определение тех аспектов жизни семьи, которые ведут к его возникновению. В первой части обзора будут показаны исследования, посвящённые супружеским конфликтам (в том числе их факторам) и выделяющие финансовые разногласия как одни из самых серьёзных; затем мы перейдём к рассмотрению теорий возникновения конфликтов в семьях; последняя часть предлагает рассмотрение следующих трёх взаимосвязанных аспектов семейной жизни, детерминирующих появление финансовых конфликтов: управление финансами, власть и гендерное разделение труда.

Конфликт в семье в фокусе исследований, посвящённых качеству брака

Как было отмечено выше, финансовый конфликт довольно редко выступает объектом социологических исследований, однако поиск литературы, связанной с супружескими конфликтами в целом, открывает большой пласт работ, посвящённых ряду интересующих нас тем. Основными среди них являются влияние конфликтной обстановки в семье на воспитание детей, их поведение в пубертатном возрасте, психологическое здоровье и планы на будущее [Margolin, Gordis, John 2001; Berger, McLanahan 2015]. Также рассматриваются психологическое здоровье и благосостояние партнёров [Fincham 2003], а семейные конфликты встраиваются в исследования как составляющая индексов качества отношений (см., например: [Gottman 1994; Kluwer, Johnson 2007]). Ещё одно направление исследований — поведение супругов в конфликте, их практики разрешения разногласий и последствия, которые влечёт та или иная конфликтная стратегия (в основном такие исследования представляют психологи) (см.: [Christensen, Heavy 1990; Crohan 1996; Carrère, Gottman 1999; Driver, Gottman 2004]). К сожалению, говорить о существовании исследований, комплексно освещающих конфликт в семье, то есть его возникновение, причины, основные затрагиваемые темы, протекание, последствия и т. д., не представляется возможным [McGonagle, Kessler, Schilling 1992].

Есть много объяснений, почему супружеский конфликт стоит рассматривать отдельно, а не как показатель качества отношений или удовлетворённости ими. Так, авторы отмечают, что между этими показателями есть связь, но мы столкнёмся с затруднениями, пытаясь понять, что является причиной, а что следствием: например, супруги могут быть удовлетворены отношениями, но много конфликтовать [Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014]. Или мы можем столкнуться с ситуацией, когда несчастные супруги склонны более открыто выражать своё недовольство по любому поводу и поднимать проблемы, в которых им хотелось бы увидеть изменения, что влияет на увеличение числа конфликтов [Kluwer, Johnson 2007]. При этом, как было отмечено выше, конфликт в семье влияет на ментальное и психологическое здоровье, он связан с рядом депрессивных симптомов (особенно у женщин) [Kandel, Davies, Raveis 1985], с расстройствами питания, алкоголизмом, способствует ухудшению социальной адаптации детей и повышает вероятность развития «конфликта отцов и детей» [Fincham 2003].

Так как тема конфликта укоренена в исследованиях влияния семейной среды на детей, одним из основных выводов из литературы является то, что наличие детей ведёт к повышению частоты конфликтов в семьях (см., например: [McGonagle, Kessler, Schilling 1992]), а наиболее конфликтны для супругов первые годы жизни ребёнка. Этот период исследователи называют одним из самых сложных переходов в семейном цикле и жизни родителей: к привычной для супругов диаде присоединяется ещё один член семьи, который становится центром внимания, это ведёт к снижению взаимодействия и интимности между партнёрами, повышая вероятность возникновения конфликтных ситуаций [Crohan 1996; Kluwer, Johnson 2007].

Тем не менее есть ещё один фактор, влияющий на конфликты и нивелирующий значимость наличия детей: стаж брака отрицательно связан с частотой конфликтов в семье [McGonagle, Kessler, Schilling 1992], а сожительствующие партнёры ссорятся чаще, чем оформившие свои отношения [Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014]. Удивительная тенденция наблюдается в первых и повторных браках: несмотря на то что вероятность развода в повторных браках намного выше, чем в первых, конфликты в повторных браках случаются реже [McGonagle, Kessler, Schilling 1992].

Другие детерминанты появления семейных конфликтов можно разделить на социально-психологические и социально-экономические [Тихомирова 2010]. К первой категории причисляются базовые ценности супругов, установки (например, по отношению к распределению ролей, работе и устройству быта) и условия их социализации. Важным является то, как выстраивается взаимодействие супругов с близким окружением — родителями, родственниками и друзьями. Сюда же можно отнести ключевую причину конфликта, отмеченную Л. Козером, — неравное распределение прав [Козер 1956]. Ко второму виду факторов принадлежат статусы супругов и различия в них, материальное положение и благополучие, имущественная обеспеченность. В России одной из основных причин конфликта супруги называют вопросы, связанные с финансами [Cubbins, Vannoy 2004; Назарова 2007], поэтому перейдём теперь к более подробному их рассмотрению.

Финансовый конфликт в семье и его причины: теоретические подходы

Конфликт по поводу финансов может иметь разные стороны. Во-первых, он может быть связан с простым несогласием супругов по поводу цели использования денег, например, необходимости приобретения какой-то вещи или надёжности хранения сбережений. В таком случае это конфликт вокруг профанного значения денег. Во-вторых, это может быть конфликт, в котором основным объектом выступает ценность денег, их значение, что подразумевает их сакральность. Здесь речь идёт о конфликте ценностей: один из супругов легко расстанется с деньгами, не считает «каждую копейку», в то время как другой — человек экономный, ему тяжело даются траты, в которых он не видит большой важности. Тем не менее эмпирические исследования показывают, что разногласия по поводу финансов в любом из проявлений отмечаются супругами как самые длительные, непримиримые и важные для дальнейших взаимоотношений. Более того, если конфликт связан с глубинными ценностями, касающимися денег, супруги чаще использовали «негативные» тактики в конфликте, то есть отказывались идти на компромисс, повышали голос и оскорбляли друг друга [Dew, Britt, Huston 2012]. При этом важно отметить, что исследователи не связывают финансовые конфликты с финансовыми затруднениями, объясняя это тем, что супруги объединяются для решения общей проблемы и стараются сводить на нет любые разногласия, возникающие на эту тему [Dew, Dakin 2011]. Иными словами, мы можем предположить, учитывая природу конфликта, что при наличии финансовых проблем вопросы присвоения власти или неравенства между супругами уходят на второй план, у супругов просто не остаётся ресурсов, в борьбе за которые они выстраивают конфликт.

Для рассмотрения финансового конфликта стоит обратиться к двум типам теорий: к теориям возникновения конфликта и теориям, посвящённым функционированию семьи.

Теория семейных систем считает, что индивиды взаимодействуют друг с другом через различные взаимосвязанные системы (такие социальные институты, как семья, работа), внутри которых определяются результаты этого взаимодействия. Супруги между собой могут часто конфликтовать, но если для них первостепенна борьба за здоровье отношений, то эта теория определит данных супругов как борющихся за позитивный исход любых конфликтов. При этом теория не рассматривает, что именно является источником разногласия; во главу угла ставится то, как супруги эти разногласия преодолевают. Однако Дж. Дью и его соавторы [Dew, Britt, Huston 2012] обнаружили, что в тех семьях, где финансовые разногласия отмечаются как одни из самых важных и частых, имеется гораздо больше негативных взаимодействий (жарких споров, острых конфликтов) по сравнению с теми, кто отметил в качестве важнейших разногласия по поводу воспитания детей [Dew, Britt, Huston 2012].

Теория семейного стресса (см.: [Conger et al. 1994]) утверждает, что наличие экономического давления на семью, связанного с нестабильностью финансовых ресурсов, создаёт большое количество стрессовых ситуаций и повышает конфликтную обстановку в семье. Однако даже в случаях, когда у супругов есть достаточный объём ресурсов для удовлетворения общих потребностей, тема денег не исчезает из конфликтных тематик в связи с тем, что деньги всегда ограничены в какой-то степени, а потребности и желания членов семьи по отношению к трате денег могут превышать существующие возможности. Более того, независимо от объёма бюджета некоторые члены семьи могут чувствовать себя депривированными из-за распределения доступа к имеющимся ресурсам, возможностей их тратить или их воспринимаемых или реальных различий. Воспринимаемая членами семьи социальная власть и осознание собственной ценности могут быть значимы под влиянием их понимания вовлечённости в принятие решений о деньгах, которые, в свою очередь, могут быть связаны с финансовыми разногласиями [Papp, Cummings, Goeke-Morey 2009].

Теория распределения благ является экономически окрашенной и возвращает нас к проблеме власти. Её авторы говорят о том, что всё строится вокруг власти и контроля. Однако этот последний является сейчас явно гендерно окрашенным ресурсом, поэтому редко можно встретить семьи, в которых финансовое взаимодействие приносит значимую выгоду и мужчине, и женщине. Так, методом кейс-стади было установлено, что финансовые затруднения могут вызывать проблемы власти или контроля, в том числе чувство зависимости при обсуждении финансовых решений и даже прямую враждебность из-за того, что у одного из супругов больше финансового контроля [Jenkins et al. 2002; Shapiro 2007].

Ролевые теории также обращают внимание на власть и утверждают, что люди с её большим объёмом имеют больше не только привилегий и прав, но и обязанностей. Лидеры несут безусловную ответственность за определение группового решения; в таких ситуациях они оказываются вынуждены решать любые конфликты, которые могут быть следствием связанных с этими ситуациями проблем (например, необходимость определения того, на что именно потратить сбережения и какие категории товаров и услуг являются приоритетными для домохозяйства).

Теория конфликта отмечает, что у партнёров есть различное количество власти и ресурсов в отношениях с соответственно различным количеством собственных интересов, которые следует поддерживать. Когда появляются разногласия, которые связаны с различиями властного статуса партнёров, ожидается, что более властный партнёр победит в споре, а менее властный поддастся другому. Также можно предположить, что менее властный партнёр окажется виноватым в провоцировании конфликта, потому что не в его «полномочиях» конфликтовать с тем, у кого этой власти больше [Trentham, Larwood 2001].

Теория социального обмена считает, что целью брака является максимизация выгод и минимизирование издержек, связанных с отношениями. Удовлетворённость браком оказывается высокой в том случае,

когда результаты отношений превышают или просто приравниваются к ожиданиям индивида. Если же результаты оказываются неудовлетворительными, издержки начинают казаться высокими. Более того, нельзя игнорировать тот факт, что, помимо структуры самих отношений, экономические теории подчёркивают и наличие альтернатив вне брака, то есть осознание того, что вне брака или в браке с другим партнёром результаты повысятся, индивид решается на конфликты, и, как следствие, происходит расторжение брака [Huinink 2009].

В дополнение к перечисленным теориям нельзя не отметить, что некоторые авторы (см., например: [Dew, Britt, Huston 2012; Alsemgeest 2014]) называют тему денег в современном обществе одним из последних табу в ведении беседы. Социологам известно, что доля отказов от ответа в вопросах о личных доходах иногда бывает просто зашкаливающей, что приводит к применению различных методик для восстановления данных. Тем не менее отказ раскрывать данные о своих деньгах незнакомому человеку ещё можно понять, но из исследований видно, что эта тема является сензитивной и в кругах близкого, интимного общения. Люди чувствуют смущение, касаясь этой темы, она вызывает эмоциональное напряжение, из-за чего её предпочитают избегать. По мнению Р. Белка и М. Волендорфа, деньги являются уникальным предметом, так как могут быть определены и как профанное (они используются в повседневной жизни и являются чем-то обыденным), и как сакральное (из-за тех смыслов и ценностей, которые в них вкладываются) [Belk, Wallendorf 1990]. Так, в одном из исследований показано, что родители, скорее, предпочтут обсудить с детьми тему наркотиков или секса, чем будут делиться механизмом финансовых потоков внутри семьи [Alsemgeest 2014]. Это приводит к тому, что родители не являются (хотя должны бы) проводниками в мир финансового управления для детей, которым приходится всё постигать самостоятельно, а культура замалчивания передаётся от поколения к поколению.

Есть и другие объяснения этому феномену, помимо смущения и эмоционального напряжения. Деньги связываются с концептами власти, которая, в свою очередь, укоренена в одной из самых актуальных тем сегодняшнего времени — проблеме (не)равенства. Такая тесная связь приводит к тому, что тема денег обязательно должна вести к конфликту, ведь его рождает противоборство вокруг ресурсов. Власть можно считать одним из важнейших ресурсов, а деньги — его самый простой и повсеместно распространённый индикатор; при этом сами они также являются ресурсом. Получается, что деньги могут быть как индикатором, отражающим неравенство, так и механизмом, поддерживающим это неравенство [Pahl 1983]. Следовательно, чтобы избежать конфликта, о деньгах стараются не говорить. Причём понятно, что деньги — показатель власти не только в обществе, но и в семье. Интересно отметить, говоря о модели в целом, что традиционно всё выглядит следующим образом: когда муж зарабатывает больше жены и выполняет роль основного кормильца семьи, она обязана взять на себя больше домашних дел. Если же жена зарабатывает больше мужа, то зачастую распределение обязанностей, скорее, склоняется к равноправию, чем к ситуации, когда женщина в основном исполняет роль кормильца, а мужчина занят по дому [Alsemgeest 2014]. Эта модель ещё раз доказывает, что тема денег и власти, а также вытекающего из них конфликта имеет основания для исследования, так как при принятии модели, которая предполагает реверсивность ролей мужчины и женщины, мужская традиционная роль ставится под сомнение, вызывая внутреннюю напряжённость, повышая неудовлетворённость и увеличивая количество поводов для разногласий.

Являясь латентной характеристикой, власть во всех исследовательских работах об управлении финансами в семье имеет своё толкование и концептуализацию. Однако не все авторы стремятся рассмотреть непосредственно власть в семье и ограничиваются более простыми вопросами финансового поведения. Например, в одном из исследований обнаружилось, что модель финансового управления оказывает существенное влияние на такой показатель качества отношений, как частота конфликтов и их напряжённость [Addo, Sassler 2010]. Есть также авторы, которые говорят о том, что деньги в семье однозначно связаны с такими скрытыми характеристиками, как власть и контроль, потому что на-

личие ощущения несправедливости хотя бы у одного из супругов является предиктором финансовых разногласий [Dew, Britt, Huston 2012]. Более того, нельзя не согласиться с тем, что финансовые проблемы в семьях можно назвать в какой-то мере особенными, так как этот аспект жизни супруги почти не могут игнорировать. Они сталкиваются с деньгами, решениями о покупках и другими видами финансового поведения каждый день, поэтому просто замолчать или обойти такие проблемы представляется сложной задачей [Dew, Dakin 2011]. В. Зелизер пишет: «Хотя именно деньги служат основным источником разногласий между мужем и женой, большой мозолью в отношениях между родителями и детьми, о семейных денежных делах нам известно меньше, чем о насилии в семье или даже о сексе» [Зелизер 2002: 64].

Не удивительно, что результаты многих исследований (см., например: [Amato, Rogers 1997; Dew 2009; 2011; Britt, Huston 2012; Dew, Britt, Huston 2012]) показывают, что финансовые разногласия являются одним из основных предикторов разводов: в исследовании Дж. Дью, С. Бритт и С. Хьюстон конфликты по поводу финансов стоят на первом месте как для мужчин, так и для женщин, на втором месте для мужчин располагаются конфликты по поводу сексуальных отношений, а для женщин — конфликты по вопросам воспитания детей.

Ещё одно важное замечание по поводу причин финансового конфликта связано с эмпирическим исследованием Л. Куббинс и Д. Ванной, проведённым в Москве. Авторы утверждают, что экономические ресурсы супругов, их гендерные установки и ограничения во времени влияют на семейные раздоры и стабильность как напрямую, так и через распределение домашних обязанностей [Cubbins, Vannoy 2004].

Именно из этих теорий мы можем сделать вывод, что в качестве основных факторов возникновения финансовых конфликтов нам следует подробнее остановиться на вопросах управления финансами, власти и гендерного дисплея супругов.

Теоретические детерминанты финансовых конфликтов в семьях

Управление финансами в семьях как поле для возникновения разногласий

Исследования механизмов управления финансами с 1980-х гг. стали относительно популярны в социологии (см.: [Pahl 1983; 1990; 1995; Kirchler 1993; 1995; Vogler, Pahl 1993; 1994; Vogler 1998; 2005; Clarke 2002; Vogler, Brockmann, Wiggins 2006; Burgoyne et al. 2007; Vogler, Lyonette, Wiggins 2008]). В данном обзоре мы не будем подробно анализировать все результаты этих работ, но постараемся выделить основные понятия и тренды, которые нам необходимы.

Своего рода канон для изучения финансового управления в семьях задали британские учёные Ж. Пал и К. Воглер, создавшие классификацию механизмов управления финансами, а также выдвинувшие две общие теории появления в семьях той или иной системы распоряжения деньгами — ресурсную и гендерную [Pahl 1983; 1990; Vogler 1998]. Указанные авторы с помощью серии своих исследований показали и то, что для получения самых интересных и надёжных результатов требуется опрашивать обоих супругов, причём раздельно, чтобы у них не было возможности согласовать ответы. Результаты таких действий доказывают, что, вопреки экономическим воззрениям, нельзя семью рассматривать как гомогенный союз и приписывать ему одну модель поведения и одно решение [Ferber, Lee 1974]. Однако исследования во многих странах, в том числе и в России (первопроходцем в этой области стал С. Кларк [Clarke 2002]), говорят о том, что семьи в основном придерживаются системы общего пула и большинство решений принимают сообща.

Механизм управления финансами несколько разнится в зависимости от стажа брака и, по мнению К. Бургойн, от того, проживали супруги вместе до свадьбы или нет. До момента обоюдного осознания того, что отношения перешли в формат брака, доминирующим типом управления является независимое (65%). После одного года, проведённого в браке, ситуация меняется: большинство пар, которые до свадьбы придерживались системы независимого распределения финансов, перешли к системе общего или частичного пула. Автор объясняет это общественными нормами, которые предполагают, что семья строится на реципрокности, то есть супруги делятся друг с другом [Burgoyne et. al. 2007: 222–227]. Однако этому утверждению можно противопоставить позицию А. Уайтхед, приведённую Ж. Пал (см.: [Pahl 1983: 254–255]). Согласно этой позиции, независимо от формы материального конфликта между мужчиной и женщиной одно его наличие доказывает: семья — это союз, который основан не исключительно на реципрокных интересах.

Перейдём к рассмотрению теорий, раскрывающих механизм управления финансами. Коллективный подход говорит о том, что супруги, сосредоточенные на общих целях, создают и общий счёт, потому что коллективные стратегии обычно более выгодны, чем индивидуальные подходы к финансовому управлению. Эффективность коллективных стратегий связана с тем, что они снижают издержки обмена между партнёрами и максимизируют собственные интересы, потому что стабилизируют и усиливают семью. Общий пул может также сигнализировать о большой привязанности к семье и вкладе в её будущее, усиливая связи доминированием общих интересов над личными. Те, кто настаивает на своей личной автономии в вопросах финансов, даже состоя в отношениях, показывают приверженность собственным интересам над коллективными целями. Так, К. Кенни обнаружила, что те супруги, которые описывали своего партнёра как заботливого, поддерживающего и понимающего, были более склонны создавать общие стратегии управления деньгами (общий или частичный пул) по сравнению с теми, которые не описывали так характер своего супруга [Kenney 2006]. Есть также подходы, утверждающие, что автономное управление финансами говорит о попытке повысить равенство партнёров в отношениях, однако разделение счетов, наоборот, может вести к неравенству ввиду гендерных различий в уровне заработка и домашних обязанностей [Addo, Sassler 2010].

Также для дальнейшего исследования важно отразить разделение управления финансами на три составляющие, которые обнаружила Ж. Пал [Pahl 1983]:

- *контроль* относится к вопросу того, какая система управления ресурсами должна быть в домохозяйстве, кто из супругов должен иметь последнее слово при принятии важных финансовых решений и насколько у супругов есть собственные деньги или доступ к общим деньгам;
- *менеджмент* — это оперирование какой-либо системой управления деньгами в разрезе того, на какие из сфер жизни их тратить;
- *бюджетирование* — это распоряжение деньгами внутри категорий трат.

Здесь хотелось бы вернуться к классификации конфликтов, которая была представлена во введении, и отметить, что классификации Э. Кирхлера и Ж. Пал взаимосвязаны. *Вероятностный конфликт* относится к *бюджетированию*, *конфликт распределения* соотносится с *контролем* в семье, а *ценностный* может быть связан с вопросами *менеджмента*, так как супруги имеют разное представление о том, на какие категории товаров и услуг тратить деньги. Например, если у жены выражена ценность безопасности, ощущения финансовой защищённости, она может высказывать желание сберегать большую часть денег; у супруга же при этом могут быть другие ценности — например, он хочет иметь высокий статус, для создания которого ему нужно вкладывать деньги в дорогие автомобили, недвижимость, дорогой ремонт, путешествия. Понятно, что партнёры зачастую не имеют одинаковых желаний отно-

сительно совершения покупок. Если открытый или скрытый конфликт проявляется, супруги должны решить его, достигая собственных целей и учитывая желания и потребности партнёра [Kirchler 1990].

Итак, мы обнаружили, что финансовое управление в семье может являться индикатором власти, а распределение власти, в свою очередь, способно становиться объектом для конфликта. Теперь перейдём к подробному рассмотрению властных отношений внутри семьи.

Власть в семье как ресурс, вокруг которого возникает финансовый конфликт

Почему рассмотрение власти в семье так актуально для данной темы? Во-первых, определив понятие «конфликт», мы уже поняли, что власть может быть тем существенным ресурсом, вокруг которого происходят столкновения внутри семьи, а деньги — отличный индикатор этого ресурса. Во-вторых, до начала XX века модель семьи была в основном традиционной и мало различалась от семьи к семье: мужчина зарабатывал деньги, был кормильцем, а женщина вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. С появлением у женщины экономических прав, с её активным вовлечением в рынок труда должен был произойти и существенный сдвиг в семейной сфере. Основное беспокойство сторонников экономической теории семьи заключалось в том, что изменения в потенциальном доходе женщин поставят под угрозу взаимозависимость полов, которая производилась с помощью гендерного разделения труда в семье и на рынке, и дестабилизируют семью как социальный институт [Blossfeld, Drobnič 2009]. Однако исследователи начали замечать интересные тенденции.

В исследовании 2004 г. Л. Куббинс и Д. Ванной рассуждают о том, что на примере российского общества можно хорошо показать тенденции, которые происходят в институте семьи. По их оценкам, на тот период 92% женщин были заняты на рынке труда, но при этом в среднем женщина работала на один месяц больше, чем её муж, если принять во внимание работу по дому. Такая ситуация может приводить к тому, что женщина оказывается неудовлетворённой своим положением, поэтому авторы делают вывод, что на семейные раздоры и стабильность влияют гендерные идеологии, экономические ресурсы и временные ресурсы каждого из супругов, причём это влияние может быть как прямым, так и опосредованным домашним распределением обязанностей [Cubbins, Vannoy 2004].

Таким образом, можно предположить, что современная женщина зарабатывает, имеет определённый доход и гораздо больше мужчины делает по дому, но больше ли у неё финансовой власти? Ответ может быть отрицательным, так как, по мнению некоторых авторов, семья и власть в ней — главные источники репродукции неравенства [Pahl 1983; McLanahan, Percheski 2008; Addo, Sessler 2010; Ибрагимова 2016]. Неравенство в доходах мужчин и женщин обнаруживается наравне с разным отношением к доходу; женский доход зачастую воспринимается как «деньги на булавки», то есть на какие-то мелочи, которые женщина может сама себе позволить, не вовлекая в это ресурсы мужа [Зелизер 2002]. Изменения же в структуре современной семьи способствуют воспроизводству неравенства двумя способами [McLanahan, Percheski 2008]:

- родительство влияет на занятость и заработок женщин намного сильнее, чем мужчин, потому что именно женщины несут основную ответственность за воспитание ребёнка. Это накладывается на то, что до рождения ребёнка женщины итак зарабатывают меньше мужчин, а после декрета разрыв в их доходах может быть уже непреодолим;
- мать, в случае если остаётся одна, обычно несёт несоизмеримую финансовую и временную нагрузку по сравнению с бывшим партнёром.

При этом, несмотря на растущее число женщин на рынке труда, мужчины по-прежнему, более вероятно, принимают на себя роль партнёра с большим количеством властных ресурсов [Dew, Dakin 2011]. По мнению А. Комтер, мощный недостаток гендерного равенства возникает из норм о гендере, концепций маскулинности и феминности и невыраженных словами правил взаимодействий между мужчинами и женщинами [Komter 1989]. Вопрос гендерных установок очень важен, но он заслуживает отдельного подробного рассмотрения.

Теперь необходимо понять, как властные процессы могут выражаться в семьях и что является их индикаторами. Власть в семье обычно возникает тогда, когда один из супругов или оба не видят возможностей для изменений в своих отношениях, а все происходящее воспринимается ими как естественное, поскольку желания подвластного супруга формируются идеологией. Желание изменений — это, конечно, субъективная характеристика, которая может быть определена в сослагательном наклонении: что сделал бы (или не сделал бы) супруг в отсутствие власти второго супруга? Комтер выделяет пять структурных элементов, связанных с любым изменением [Komter 1989]:

- желания или попытки что-то изменить;
- структурные и психологические препятствия;
- реакция партнёра на изменения;
- конфликты, которые могут возникнуть в процессе изменений;
- стратегии осуществления или предотвращения изменений.

Можно предположить, что в случае наличия открытой власти осуществление изменений будет находиться в руках властного партнёра, и именно он будет принимать решения о том, стоит ли что-либо менять. В случае скрытой власти для супругов важны пункты 4 и 5, а также реакция партнёра. Латентная власть может вовлекать все пять аспектов. Эмпирическое исследование А. Комтер показало, что конфликты в семьях появляются тогда, когда попытка что-либо изменить провалилась: супруги не согласились друг с другом о содержании изменений или о скорости их осуществления [Komter 1989].

Среди основных индикаторов власти — принятие решений, но это одномерное рассмотрение власти. В двумерном её рассмотрении конфликт может пониматься как результат невидимых и нерешённых проблем, поэтому присвоение власти предполагает и присвоение ответственности за последствия, которые станут результатом принятия того или иного решения. Вслед за Д. Х. Ибрагимовой мы будем определять финансовую власть как «не только способность субъекта оказывать влияние (подчинять) на поведение и (или) установки и ценности объекта, осуществляя в том числе контроль над значимыми расходами, но и способность объекта “уходить” от контроля и сохранять некоторую независимость (автономию). Финансовую власть в этом смысле корректнее определять как квазисимметричные отношения» [Ибрагимова 2016: 121].

Всему сказанному выше соответствует теория К. Сафилос-Ротшильд, разделявшей финансовую власть на руководящую и исполнительную. Тот супруг, у которого констатируется руководящая власть, имеет власть над важными и нечастыми решениями, определяющими уровень и стиль жизни, важные характеристики семьи. Этот супруг может делегировать неважные и требующие времени решения другому. Этот другой в таком случае имеет исполнительную власть, ограниченную ключевыми решениями, которые делает более властный партнёр. Конфликт появляется тогда, когда исполняющий супруг пытается изменить или переопределить ситуационный контекст, стоящий за границами, установленными руководящим супругом [Pahl 1983].

Стоит отметить, что мы намеренно не рассматриваем в данной работе строго экономические теории принятия решений (например, теорию рационального выбора), так как экономисты-бихевиористы, эко-

номические психологи и экономические социологи однозначно сходятся во мнении, что экономические решения в целом и потребительские решения в особенности не вписываются в модели рационального выбора [Kirchler, Hoelzl 2011]. Тип решения обычно находится под влиянием ряда факторов — например, характеристик продукта и его символического значения, социальной значимости. Также нельзя не рассматривать ещё один аспект: повлияет ли принятое финансовое решение на других членов домохозяйства и в какой степени [Kirchler et al. 2001]?

Более того, теории экономического и социального обмена не могут охватить всей сложности взаимоотношений между мужчинами и женщинами в браке, так как в ситуации, когда в центр взаимодействия поставлена категория гендера, возникает иной тип обмена, а проявления феминности и маскулинности рутинизируются [Брайнс 2002]. Брак поэтому создаёт пространство для реализации статусных притязаний, особенно относящихся к «самому глубокому ощущению того, чем является человек, — гендерной идентичности» [Goffman 1977: 315]. Есть авторы, которые намеренно строят свои теории власти и принятия решений вокруг гендерных характеристик супругов. Власть приравнивается к так называемому последнему слову в принятии решений и операционализируется через него. Если говорить о крупных покупках, то в традиционном типе семьи обычно женщины отвечают за приобретение товаров для семьи и детей, принимают решения, касающиеся товаров для интерьера и для кухни. Также они довольно часто отвечают за стиль или цвет, если речь идёт о мебели, автомобиле. Остальные решения являются мужскими и высоко ценятся, в отличие от решений, относящихся к понятию «женское дело», которые автоматически становятся тривиальными [Sun 2010: 7]. Мужчины отвечают за приобретение технического оборудования, автомобиля, недвижимости, а также за общий объём расходов, определение торговой марки, цену, место, время и тип покупки. Интересно, что в прикладных исследованиях отмечается, что ситуация не меняется с переходом от традиционного типа семьи к более современному и область принятия решений и ответственность каждого из супругов остались теми же [Попова, Синявская 2011: 136].

Чтобы разобраться, почему никакой трансформации властных отношений не происходит, рассмотрим важные для социологии гендерные теории, которые помогут нам понять, почему ответственность в принятии решений сохраняет свои традиционные окраски.

Гендерный дисплей и распределение домашних обязанностей как предиктор конфликтов и пространство реализации властных отношений

Гендер важен для анализа механизмов, происходящих внутри семьи, так как партнёры изначально занимают определённые роли, отношения имеют гендерную нагрузку. Более того, мужчины и женщины по-разному социализируются, в связи с чем их поведение и уклад не могут быть обоснованы исключительно ресурсными характеристиками. По мнению некоторых зарубежных авторов (см., например: [Kluwer, Heesink, Van de Vliert 1996]), установки супругов — особенно жены — относительно распределения домашнего труда в семье являются важным предиктором конфликтов. Это связывается с тем, что позиция женщин обычно является более депривированной и они более склонны к высказыванию своего недовольства по сравнению с мужчинами. Указывается, что Г. Беккер утверждал: снижение специализации гендерных ролей в браке (то есть выход женщины на рынок труда или забота мужчин о домашнем хозяйстве) ведет к умалению ценности брака, а значит, к его откладыванию или вообще к отсутствию (см.: [Booth, Crouter, Clements 2001: 297]). По названным причинам мы не можем не рассмотреть этот важный аспект в работе, посвящённой детерминантам финансовых разногласий.

Одно из ключевых исследований на тему домашних обязанностей и их распределения принадлежит Д. Брайнс, которая отмечает, что, несмотря на произошедшую на рынке труда революцию (массовый выход замужних женщин на работу), существенного перераспределения дел внутри семьи не проис-

ходит: «Занятость жены вне дома очень слабо влияет на увеличение времени, затрачиваемого мужем на работу по дому (на 1–2 часа в неделю)» [Брайнс 2002: 346]. При этом складывающаяся гендерная нагрузка иногда служит компенсаторным механизмом, выравнивая соотношение партнёров на рынке труда распределением домашних обязанностей. Так, например, мужчина в современном обществе может зарабатывать меньше женщины, но, чтобы не ломать его представление о себе как о мужчине, женщина делегирует ему больше власти в домохозяйстве, не нагружая его большим количеством домашней работы, а беря её на себя [Брайнс 2002; Ибрагимова 2016]. Как выяснила Т. М. Дадаева, когда жена зарабатывает значительно больше мужа, распределения в сторону эгалитарного типа не происходит [Дадаева 2005]. Более того, в большинстве таких семей (60%) именно жены чаще всего выполняют домашние обязанности. Получается, что в этом случае жене приходится быть кормильцем и заниматься домашними делами [Дадаева 2005]. Тем не менее может происходить и обратное: муж, зарабатывающий меньше, активнее вовлекается в бытовую жизнь семьи и воспитание детей [Deutsch, Roksa, Meeske 2003], что коррелирует с происходящим в обществе «кризисом маскулинности», то есть ослаблением структурированности гендерных ролей. В целом же гендерное разделение в домохозяйстве играет центральную роль в конструировании гендерного неравенства: напрямую это происходит через распределение обязанностей, а косвенно — через участие в рынке труда. При этом появляющееся неравенство поддерживается культурными установками и распределением материальных ресурсов [Ridgeway 2011].

Некоторые исследователи-психологи считают, что в процессе социализации мужчин приучают к независимости и индивидуальности, а женщин, наоборот, к зависимости от взаимоотношений. В связи с этим возникают разные страхи: мужчины боятся привязанности, а женщины переживают из-за отчуждения и потери отношений. Кроме того, физиологически женщины устойчивее к стрессам, поэтому чаще конфликтуют и применяют в этом случае более негативные тактики, в то время как мужчины предпочитают от ссор уходить. При этом мужчины видятся консерваторами в близких отношениях, а женщины выступают агентами изменений [Christensen, Heavey 1990]. Суммируя перечисленные психологические особенности и то, что нами уже было сказано о финансовой власти в семьях, можно констатировать определённую предзаданность: в обществе существуют чёткие представления о феминности и маскулинности, внутри которых супруги примеряют на себя какие-то роли (они, в свою очередь, ситуативны), поэтому, в основном, мужчины выступают в качестве более властных партнёров, а женщины — в роли тех, кто либо подчиняется, либо настаивает на изменениях.

В России большинство семей пока остаются патриархальными [Cubbins, Vannoy 2004]. Патриархат определяют как систему социальных структур и практик, в которых обнаруживаются доминирование мужчины над женщиной и её эксплуатация. Однако такая трактовка этого концепта кажется некоторым авторам противоречивой и изжившей себя при рассмотрении современного общества [Blossfeld, Drobnič 2009]. Тем не менее нельзя спорить с тем, что такое распределение ролей, как мужчина — кормилец семьи и женщина — хранительница очага, считается в обществе одним из самых «нормальных», а обратная ситуация может вызвать социальное осуждение. Более того, противоположное традиционному распределение может угрожать и идентичностям партнёров, ведь конструирование гендера предполагает каждодневное доказательство — себе и окружающим — принадлежности к одному из полов [Брайнс 2002]. Самый простой вариант для женщины доказать себе, что она — женщина, стать матерью и вести хозяйство; мужчина же самоидентифицируется через возможность обеспечить и защитить свою семью.

Что касается управления финансами, то зачастую именно женщина является более осведомлённой о финансовом состоянии семьи и именно она тратит большую часть денег. Как утверждает Т. С. Лыткина, женщина в основном отвечает за покупку продуктов, товаров для дома и детей [Лыткина 2004: 86–87]. Исследование Т. М. Дадаевой показало, что полностью не удовлетворены разделением обязан-

ностей по дому 10,9% женщин и 1,8% мужчин; ещё 43,5% женщин и 27,8% мужчин удовлетворены частично. Полностью удовлетворены сложившимся распределением домашних дел 70,4% мужчин, среди женщин таких 45,6%. Причины (не)удовлетворённости женщин, по мнению исследователей, могут быть объяснены, с одной стороны, проявлением традиционной культуры, а с другой — экономическими обстоятельствами [Дадаева 2005]. Важно отметить, что каждодневное взаимодействие с деньгами, планирование повседневных покупок говорит, скорее, ещё об одной домашней обязанности, в то время как контроль над деньгами и принятие ключевых решений свидетельствуют о власти в семье.

Мужчины и женщины различаются не только механизмами социализации, но и восприятием. Что касается финансового поведения, при раздельном опросе супругов выявляется очень разное восприятие благосостояния семьи; согласие в оценках можно чаще обнаружить в вопросах о доходах, но не об активах и общем благополучии. Так, мужчины склонны отмечать более высокий доход и более высокие активы семьи, подчёркивая наличие автомобиля или предметов роскоши. Женщины же гораздо чаще отмечают наличие у семьи долгов, занижая благосостояние [Zagorsky 2003].

Для нашего исследования интересно также то, что женщины имеют меньшую склонность к риску, выбирая более надёжные стратегии для хранения сбережений или менее рискованные инвестиции. Женщинам оказывается гораздо проще управлять финансами на ежедневной основе, принимая решения о рутинных покупках и необходимых для семьи вещах. Решения же о крупных инвестициях они предпочитают принимать совместно с мужчиной, хотя мужчины демонстрируют высокую готовность принимать такие решения самостоятельно. Авторы объясняют это более высокой уверенностью мужчин в собственной финансовой компетентности, однако существует опасность переоценки мужчинами собственных возможностей [Hira, Loibl 2008].

Таким образом, мы делаем вывод, что гендерное разделение в семьях может способствовать усилению неравенства и провоцировать в семье ситуации неудовлетворённости и борьбы за власть, которая, в свою очередь, чревата конфликтами. К конфликтам также может привести и различное восприятие супругов благосостояния и активов семьи: если муж будет считать, что в семье всё отлично, и настаивать на крупной покупке, а женщина — переоценивать долги и недооценивать благополучие, может возникнуть спорная ситуация, в которой проявятся и властные механизмы внутри семьи.

Заключение

Конфликт — неотъемлемая часть любых социальных отношений, но именно в близких отношениях он имеет яркие проявления и различные функции — как интегрирующие, так и разрушительные. Наиболее важным примером разрушительного для семейных отношений конфликта оказывается, по мнению авторов, финансовый (см.: [Dew, Dakin 2011; Dew, Britt, Huston 2012]), так как тема денег в современном мире является одной из самых сензитивных, и она подразумевает многие смыслы: во-первых, финансы служат как индикатором власти, так и ресурсом, вокруг которого конструируется власть; во-вторых, деньги поддерживают гендерное неравенство [Pahl 1983]. Именно финансовый конфликт в ряде исследований отмечается как самый частый [Тихомирова 2010], а также самый «неприятный» для супругов, поскольку ему присущи наибольшая продолжительность и острота.

Рассмотрев различные теории возникновения конфликта и функционирования семейных отношений, мы можем сделать вывод, что финансовый конфликт в основном скрывает проблемы власти и контроля, а также гендерного разделения труда (соотношения вовлечённости супругов в рынок труда и домашнюю работу); следовательно, изучение оснований возникновения конфликта может дать нам ключ к его объяснению. Но изучение литературы показывает, что авторы в своих исследованиях не сосредотачиваются на вопросе возникновения финансовых конфликтов; гораздо чаще они исследу-

ют его последствия, главным из которых является развод (см.: [Amato, Rogers 1997; Dew 2009; 2011; Dew, Dakin 2011; Dew, Britt, Huston 2012]), или фокусируются на удовлетворённости отношениями [Crohan 1996; Kluwer, Johnson 2007]. Более того, абсолютное большинство работ на эту тему было проведено в США, небольшая часть в Европе, на Россию же приходится одно исследование финансовых конфликтов [Cubbins, Vannoy 2004] и небольшая доля исследований об управлении финансами и властных отношениях [Komter 1989; Clarke 2002; Ибрагимова 2012; 2016].

Напрямую с возникновением финансовых разногласий может быть связано управление финансами: в парах с независимым управлением разногласия возникают чаще, так как общий пул говорит о большей привязанности к семье, о намерении выстраивать общее будущее и о совместном принятии многих решений. Проявляется эта закономерность в том, что в сожительствах (а в этом случае гораздо чаще, чем в зарегистрированных союзах, партнёры придерживаются независимого управления) частота конфликтов по поводу денег выше [Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014]. Более того, управление финансами может меняться с течением времени и в зависимости от жизненного цикла семьи, на него способны повлиять рождение ребёнка, с которым также связывают увеличение числа конфликтов, потеря работы одним из супругов, финансовые трудности и т. д.

Распределение власти в семье является ещё одним полем для возникновения финансовых конфликтов, так как идеология (традиционные представления о ролях в семье) может противоречить ресурсным характеристикам супругов (равное участие на рынке труда или ситуации, когда фактическим кормильцем семьи выступает женщина). Вопрос властных отношений может вести к финансовым конфликтам и в связи с тем, что мужчины и женщины по-разному воспринимают благосостояние семьи (мужчины отмечают наличие статусных вещей, а женщины — отсутствие долгов) [Zagorsky 2003] и по-разному распределяют свои ресурсы (женщины гораздо чаще совершают покупки для дома и детей).

Тесно пересекается с управлением финансами и вопросом власти гендерное разделение труда в семье. В современном мире гендерная специализация снижается, но в домохозяйствах распределение труда пока традиционно. В связи с этим оказывается, что женщины работают гораздо больше мужчин (если учитывать как рынок труда, так и выполнение домашних обязанностей) [Cubbins, Vannoy 2004]. При этом опросы показывают, что мужчины гораздо чаще удовлетворены своим участием в домашних делах, чем женщины [Дадаева 2005], а неудовлетворённость этим аспектом отношений у женщин повышает вероятность развода.

Таким образом, изучив корпус литературы, посвящённой супружеским конфликтам и финансовому поведению семьи, мы можем на теоретическом уровне предполагать, что именно механизмы управления финансами, властные отношения и гендерное разделение труда способны объяснять возникновение и частоту финансовых разногласий в семьях. Учитывая изменения в институте семьи и не снижающееся число разводов, мы считаем важным заострить внимание на проблеме финансовых конфликтов, так как их роль в семейной жизни не должна быть упущена из виду. Дальнейшим развитием данной темы должно стать проведение обширного эмпирического исследования, которое сможет подтвердить или опровергнуть значимость указанных аспектов для возникновения финансовых конфликтов в семье, а также определить, какие группы населения особенно подвержены возникновению этого феномена.

Литература

Антонов А.И. 2012. *Катастрофические изменения института семьи и крайняя настоятельность просемейной политики*. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part21.pdf>

- Брайнс Дж. 2002. Экономическая зависимость, гендер и домашнее разделение труда. В сб.: Мезенцева Е. Б. (сост., отв. ред.) *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики*. М.: ИСЭПН РАН; МЦГИ; «Русская панорама»; 328–351.
- Вовк Е. 2006. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России. *Социальная реальность*. 3: 61–73.
- Гурко Т. А. 2001. Трансформация брачно-семейных отношений. В сб.: Ядов В.А. (отв. ред.) *Россия: трансформирующееся общество*. М.: Канон-пресс-Ц; раздел 2, 272–283.
- Дадаева Т. М. 2005. Кто выносит мусор, или Парадоксы гендерного разделения труда. *Социологические исследования*. 6: 120–126.
- Захаров С. В. 2015. Браки и разводы в современной России. *Демоскоп Weekly*. 625–626. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema01.php>
- Здравомыслова О. М. 2003. *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. М.: УРСС.
- Зелизер В. 2002. Создание множественных денег. *Экономическая социология*. 3 (4): 58–72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58
- Ибрагимова Д. Х. 2012. Кто управляет деньгами в российских семьях. *Экономическая социология*. 13 (3): 22–56. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22
- Ибрагимова Д. Х. 2016. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы. *Экономическая социология*. 17 (2): 116–145. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/04/01/1126456877/ecsoc_t17_n2.pdf#page=116
- Касаткин А. А. 2012. *Развод в родительской семье как фактор формирования представления молодежи о семейных отношениях*. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part21.pdf>
- Козер Л. 1956. *Функции социального конфликта*. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-162369.html>
- Лыткина Т. С. 2004. Домашний труд и гендерное разделение власти. *Социологические исследования*. 9: 85–90.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Немецкая идеология*. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: В 50 т.* Т. 3. М.: Политиздат.
- Назарова И. Б. 2007. Вне рабочее время: возможности сохранения здоровья. *Доклад на интернет-конференции «Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности»*. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16206711/>
- Парсонс Т. 2000. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект.
- Попова Д. О., Синявская О. В. 2011. Теоретические модели принятия решений в домохозяйстве. *SPERO*. 14: 121–142.

- Танчер В. В. 1994. Льюис Козер: функциональность конфликта и польза несогласия в науке. В сб. Добреньков В. И. (отв. ред.) *Современная американская социология*. М.: Изд-во Московского университета; 265–273.
- Тихомирова В. В. 2010. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи. *Социологические исследования*. 2: 118–124.
- Addo F. R., Sessler S. 2010. Financial Arrangements and Relationship Quality in Low-Income Couples. *Family Relations*. 59 (4): 408–423.
- Alsemgeest L. 2014. Family Communication about Money: Why the Taboo? *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 5 (16): 516–523.
- Amato P. R., Rogers S. J. 1997. A Longitudinal Study of Marital Problems and Subsequent Divorce. *Journal of Marriage and the Family*. 59: 612–624.
- Belk R. W., Wallendorf M. 1990. The Sacred Meanings of Money. *Journal of Economic Psychology*. 11: 35–67.
- Berger L. M., McLanahan S. S. 2015. Income, Relationship Quality, and Parenting: Associations With Child Development in Two-Parent Families. *Journal of Marriage and Family*. 4 (77): 996–1015.
- Blossfeld H.-P., Drobnič S. 2009. Theoretical Perspectives on Couples' Careers. In: Walter H. R., Huinink J., Weymann A. (eds) *The Life Course Reader: Individuals and Societies across Time*. Frankfurt; New York: Campus; 16–50.
- Booth A., Crouter A. C., Clements M. 2001. *Couples in Conflict*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Britt S. L., Huston S. J. 2012. The Role of Money Arguments in Marriage. *Journal of Family and Economic Issues*. 33 (4): 464–476.
- Burgoyne C. B. et al. 2007. Money Management Systems in Early Marriage: Factors Influencing Change and Stability. *Journal of Economic Psychology*. 28 (2): 214–228.
- Carrère S., Gottman J. M. 1999. Predicting Divorce among Newlyweds from the First Three Minutes of a Marital Conflict Discussion. *Family Process*. 3 (38): 293–301.
- Christensen A., Heavey C. L. 1990. Gender and Social Structure in the Demand/Withdraw Pattern of Marital Conflict. *Journal of Personality and Social Psychology*. 59 (1): 73–81.
- Clarke S. 2002. Budgetary Management in Russian Households. *Sociology*. 36 (3): 539–557.
- Coleman J. S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA; London, GB: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Conger R. D. et al. 1994. Economic Stress, Coercive Family Process, and Developmental Problems of Adolescents. *Child Development*. 65: 541–561.

- Crohan S. E. 1996. Marital Quality and Conflict Across the Transition to Parenthood in African American and White Couples. *Journal of Marriage and Family*. 4 (58): 933–944.
- Cubbins L. A., Vannoy D. 2004. Division of Household Labor as a Source of Contention for Married and Cohabiting Couples in Metropolitan Moscow. *Journal of Family Issues*. 25 (2): 182–215.
- Deutsch F., Roksa J., Meeske C. 2003. How Gender Counts when Couples Count their Money. *Sex Roles*. 48 (7/8): 291–304.
- Dew J. P. 2009. The Gendered Meanings of Assets for Divorce. *Journal of Family and Economic Issues*. 30: 20–31.
- Dew J. P. 2011. The Association between Consumer Debt and the Likelihood of Divorce. *Journal of Family and Economic Issues*. 32: 554–565.
- Dew J., Britt S., Huston S. 2012. Examining the Relationship Between Financial Issues and Divorce. *Family Relations*. 61 (4): 615–628.
- Dew J., Dakin J. 2011. Financial Disagreements and Marital Conflict Tactics. *Journal of Financial Therapy*. 2 (1): 23–42.
- Driver J. L., Gottman J. M. 2004. Daily Marital Interactions and Positive Affect During Marital Conflict Among Newlywed Couples. *Family Process*. 3 (43): 301–314.
- Ferber R., Lee L. C. 1974. Husband-Wife Influence in Family Purchasing Behavior. *Journal of Consumer Research*. 1 (1): 43–50.
- Fincham F. D. 2003. Marital Conflict: Correlates, Structure, and Context. *Current Directions in Psychological Science*. 1 (12): 23–27.
- Goffman E. 1977. The Arrangement between the Sexes. *Theory and Society*. 4 (3): 301–331.
- Gottman J. M. 1994. *What Predicts Divorce? The Relationship between Marital Processes and Marital Outcomes*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Halpern-Meekin S., Turney K. 2016. Relationship Churning and Parenting Stress Among Mothers and Fathers. *Journal of Marriage and Family*. 3 (78): 715–729.
- Heavey C. L., Layne C., Christensen A. 1993. Gender and Conflict Structure in Marital Interaction: A Replication and Extension. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 61 (1): 16–27.
- Hira T. K., Loibl C. 2008. Gender Differences in Investment Behavior. In: Xiao J. J. (ed.) *Handbook of Consumer Finance Research*. New York: Springer; 253–270.
- Huinink J. 2009. Linked Lives, Families, and Intergenerational Relations. In: Heinz W. R., Huinink J., Weymann A. (eds) *The Life Course Reader: Individuals and Societies across Time*. Frankfurt/Main: Campus; 303–310.
- Ibragimova D., Guseva A. 2015. Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? *Journal of Family Issues*. December 30; 1–24.

- Jenkins N. H. et al. 2002. *You Paid how Much for That? How to Win at Money without Losing at Love*. San Fransisco, CA: Jossey-Bass.
- Kandel D. B., Davies M., Raveis V. H. 1985. The Stressfulness of Daily Social Roles for Women: Marital, Occupational and Household Roles. *Journal of Health & Social Behavior*. 26 (1): 64–78.
- Kenney C. T. 2006. The Power of the Purse Allocative Systems and Inequality in Couple Households. *Gender & Society*. 20 (3): 354–381.
- Kirchler E. 1990. Spouses' Influence Strategies in Purchase Decisions as Dependent on Conflict Type and Relationship Characteristics. *Journal of Economic Psychology*. 11 (1): 101–118.
- Kirchler E. 1993. Spouses' Joint Purchase Decisions: Determinants of Influence Tactics for Muddling through the Process. *Journal of Economic Psychology*. 14 (2): 405–438.
- Kirchler E. 1995. Studying Economic Decisions within Private Households: A Critical Review and Design for a "Couple Experiences Diary". *Journal of Economic Psychology*. 16 (3): 393–419.
- Kirchler E. et al. 2001. *Conflict and Decision-Making in Close Relationships. Love, Money and Daily Routines*. Hove, UK: Psychology Press.
- Kirchler E., Hoelzl E. 2011. Economic and Psychological Determinants of Consumer Behavior. *Zeitschrift für Psychologie/Journal of Psychology*. 4 (219): 195–197.
- Kluwer E. S., Johnson M. D. 2007. Conflict Frequency and Relationship Quality Across the Transition to Parenthood. *Journal of Marriage and Family*. 5 (69): 1089–1106.
- Kluwer E. S., Heesink J. A. M., Van de Vliert E. 1996. Marital Conflict about the Division of Household Labor and Paid Work. *Journal of Marriage and Family*. 58 (4): 958–969.
- Komter A. 1989. Hidden Power in Marriage. *Gender & Society*. 3 (2): 187–216.
- Lippe T. van der, Voorpostel M., Hewitt B. 2014. Disagreements among Cohabiting and Married Couples in 22 European Countries. *Demographic Research*. 10 (31): 247–274.
- Margolin G., Gordis E. B., John R. S. 2001. Coparenting: A Link between Marital Conflict and Parenting in Two-Parent Families. *Journal of Family Psychology*. 1 (15): 3–21.
- McGonagle K. A., Kessler R. C., Schilling E. A. 1992. The Frequency and Determinants of Marital Disagreements in a Community Sample. *Journal of Social and Personal Relationships*. 4 (9): 507–524.
- McLanahan S., Percheski C. 2008. Family Structure and the Reproduction of Inequalities. *Annual Review of Sociology*. 34 (1): 257–276.
- Pahl J. 1983. The Allocation of Money and the Structuring of Inequality within Marriage. *The Sociological Review*. 31 (2): 237–262.
- Pahl J. 1990. Household Spending, Personal Spending and the Control of Money in Marriage. *Sociology*. 24 (1): 119–138.

- Pahl J. 1995. His Money, Her Money: Recent Research on Financial Organisation in Marriage. *Journal of Economic Psychology*. 16 (3): 361–376.
- Pahl J. 2005. Individualisation in Couple Finances: Who Pays for the Children? *Social Policy and Society*. 4 (04): 381–391.
- Pahl J. 2008. Family Finances, Individualisation, Spending Patterns and Access to Credit. *The Journal of Socio-Economics*. 37 (2). Special Issue on the Household Economy: 577–591.
- Papp L. M., Cummings E. M., Goeke-Morey M. C. 2009. For Richer, for Poorer: Money as a Topic of Marital Conflict in the Home. *Family Relations*. 1 (58): 91–103.
- Ridgeway C. L. 2011. Gender at Home. In: *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York: Oxford University Press; 127–155.
- Shapiro M. 2007. Money: A Therapeutic Tool for Couples Therapy. *Family Process*. 46: 279–291.
- Sun S. H.-L. 2010. The Final Say Is Not the Last Word: Gendered Patterns, Perceptions, and Processes in Household Decision Making among Chinese Immigrant Couples in Canada. *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 1 (1): 91–105.
- Trentham S., Larwood L. 2001. Power and Gender Influences on Responsibility Attributions: The Case of Disagreements in Relationships. *The Journal of Social Psychology*. 141 (6): 730–751.
- Vogler C. 1998. Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*. 46 (4): 687–713.
- Vogler C. 2005. Cohabiting Couples: Rethinking Money in the Household at the Beginning of the Twenty First Century. *The Sociological Review*. 53 (1): 1–29.
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. D. 2006. Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty-First Century. *The British Journal of Sociology*. 57 (3): 455–482.
- Vogler C., Lyonette C., Wiggins R. D. 2008. Money, Power and Spending Decisions in Intimate relationships. *The Sociological Review*. 56 (1): 117–143.
- Vogler C., Pahl J. 1993. Social and Economic Change and the Organisation of Money within Marriage. *Work, Employment and Society*. 7 (1): 71–95.
- Vogler C., Pahl J. 1994. Money, Power and Inequality within Marriage. *The Sociological Review*. 42 (2): 263–288.
- Zagorsky J. L. 2003. Husbands' and Wives' View of the Family Finances. *The Journal of Socio-Economics*. 32 (2): 127–146.